

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.151.47>

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ ИРОНИИ В МИНИАТЮРАХ ПРОЗЫ «ВАРЕНЬЕ ИЗ
ПАДАЛИЦЫ» АЛЕКСЕЯ АЛЁХИНА**

Научная статья

Рыбакова Т.В.^{1,*}

¹Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (tanyarubakova[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматривается явление иронии, как форма импликации картины мира Алексея Алёхина в семантическом поле произведения «Варенье из падалицы». Анализируются лексико-семантическая и логико-семантическая стратегии экспликации иронии в художественной прозе и реализующиеся на их основе языковые средства. Цель: анализ механизмов создания иронии и анализ языковых средств ее выражения в исследуемом тексте. Материалом послужили миниатюры прозы Алексея Алёхина из произведения «Варенье из падалицы». При обработке текстового материала использовался комплексный метод, включающий компонентный, контекстуальный и сопоставительный виды анализа. Феномен иронии остается до настоящего момента пока еще малоизученным. Еще менее исследованным представляется этот феномен на материале художественной прозы Алексея Алёхина «Варенье из падалицы». Среди языковых средств, участвующих в выражении иронии в исследуемых художественных текстах, ведущая роль в создании имплицитных смыслов отводится лексико-семантическим средствам, возможности которых чрезвычайно разнообразны. В заключении был сделан вывод о том, что языковые средства, используемые Алексеем Алёхиным в художественной прозе, и на основе которых реализуется ирония, позволяют не только глубже проникнуть в замысел миниатюр автора, разглядеть его иронические оттенки и выявить его объект, но способствуют более полному раскрытию их интенций. Нами были выделены два типа стратегий, лежащих в основе создания иронического эффекта, – лексико-семантическая и логико-семантическая. Первая охватывает приемы, связанные с нарушением узуальных или стилистических норм, в то время как вторая объединяет случаи намеренного нарушения логики и искажения картины мира автора. Выявляются формы реализации иронической оценки, обусловленной прагматической авторской интенцией.

Ключевые слова: ирония, антропоцентризм, импликация, Алексей Алёхин, «Варенье из падалицы», миниатюры.

**LINGUISTIC MEANS OF EXPLICATION OF IRONY IN THE PROSE MINIATURES OF "JAM FROM FALLEN
FRUIT" BY ALEXEY ALYOKHIN**

Research article

Rybakova T.V.^{1,*}

¹Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

* Corresponding author (tanyarubakova[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the phenomenon of irony as a form of implication of Alexey Alyokhin's worldview in the semantic field of the work "Jam from Fallen Fruit". The paper analyses the lexical-semantic and logical-semantic strategies of irony explication in fiction prose and the linguistic means implemented on their basis. Objective: to study the mechanisms of irony creation and to analyse the linguistic means of its expression in the researched text. The material was the prose miniatures of Alexey Alyokhin's prose from the work "Jam from fallen fruit". When processing the textual material, a complex method was used, including component, contextual and comparative types of analysis. The phenomenon of irony is still understudied. This phenomenon is even less studied in the prose fiction of Alexey Alyokhin's "Jam from fallen fruit". Among the linguistic means involved in the expression of irony in the studied fiction texts, the leading role in the creation of implicit meanings is given to lexical-semantic means, the possibilities of which are extremely diverse. In conclusion, it was found that the linguistic means used by Alexey Alyokhin in his fiction prose and on the basis of which irony is implemented, allow not only to penetrate deeper into the author's intention of miniatures, discern its ironic shades and identify its object, but also contribute to a fuller disclosure of their intentions. We have identified two types of strategies underlying the creation of the ironic effect – lexical-semantic and logical-semantic. The first one covers techniques related to the violation of usual or stylistic norms, while the second one combines cases of intentional violation of logic and distortion of the author's picture of the world. The forms of fulfilment of ironic evaluation, conditioned by the author's pragmatic intention, are identified.

Keywords: irony, anthropocentrism, implication, Alexey Alyokhin, "Jam from Fallen Fruit", miniatures.

Введение

Ирония является важнейшей категорией исследования современной лингвистики и формой представления имплицитной оценки в художественном тексте. Ирония является составной частью авторского мировоззрения, «отражающего и реализующего в художественном произведении проекцию картины мира личности автора и его ценностные установки, воплощенные в индивидуальной языковой системе писателя» [2, С. 151], характеризуется смысловой неоднозначностью и наличием эмоционально-оценочной составляющей.

По С.И. Походне, «создание иронического смысла обусловлено интенцией автора выразить свое отношение к действительности косвенным, опосредованным путем; отстраниться от изображаемой ситуации, взглянуть на нее со стороны, т. е. оценить ситуацию, фактически, формально не делая этого» [7, С. 115]. Так, ирония является способом выражения превосходства адресанта иронии над ироническим адресатом с целью воздействия на него. Э.М. Хабибьярова считает, что «иронизировать по поводу чего-либо, значит не признавать претензии на абсолютную значимость этого чего-либо, иметь другую систему ценностей, первая из которых воспринимается как относительная, т. е. являющаяся объектом иронии» [10, С. 237]. Ирония возникает «в переломные моменты истории, когда она становится и позицией, позволяющей дистанцироваться от деструктивной действительности, и острым разящим оружием, и средством самозащиты, и инструментом постижения истины» [5, С. 3]. Интерпретация иронической составляющей художественного текста тесно связана с декодированием сигналов иронии, раскрывающих смысловое и контекстуальное несоответствие, и стимулирующих к выявлению имплицитного авторского намерения (посыла). Однако сложность заключается в когнитивном процессе: «в нем участвуют авторское и читательское когнитивные пространства, которые соединены вербальной формой текстового пространства» [3, С. 16].

Ирония эксплицируется в художественной прозе посредством авторского слова, содержащего в себе характерные лингвистические признаки языковой личности, таким образом, иронический смысл актуализируется автором прозы особым, свойственным только его художественной интенции способом, связанным с использованием определенных сигналов, которые призваны обеспечить понимание адресатом иронической интенции авторского высказывания. Ирония не имеет строго закреплённых средств выражения, в связи с этим, мы будем классифицировать данные средства в соответствии с их соотносённостью с различными языковыми уровнями. Мы придерживаемся следующего определения И.Р. Гальперина, раскрывающее языковую сущность феномена «ирония»: это «стилистический прием, посредством которого в каком-либо слове появляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности (противоречивости)» [4], таким образом, в контексте художественной прозы актуализируется новое значение слова, которое, полностью не подавляет его смысловое словарное значение, а воспринимается читателем вместе с ним, при этом его предметно-логическое значение дополняется еще и контекстуально-ироническим.

Основные результаты

Миниатюры прозы «Варенье из падалицы» Алексея Алёхина включают как примеры «иронии от персонажа», в которых ироническая интенция принадлежит героям-авторам диалога, так и случаи «авторской иронии». При некоторых различиях, для этих типов иронии характерны схожие способы актуализации, поэтому они рассматриваются в данной статье вместе. Для создания иронического эффекта может использоваться весь спектр языковых средств, что, однако, не исключает возможности выделения наиболее характерных способов создания иронических смыслов. Рассмотрим наиболее репрезентативные фрагменты высказываний, содержащих иронию, из картотеки примеров (всего в картотеке – 155 единиц).

Анализ языкового материала показал, что иронический смысл высказываний может создаваться как минимум двумя видами стратегий: лексико-семантической стратегией, заключающаяся в манипулировании языковой и узуальной нормой и логико-семантической стратегией, которая реализуется с опорой на логические нормы и картину мира автора прозы.

Рассмотрим первый тип стратегии – лексико-семантическую стратегию. Лексико-семантическая стратегия создания иронического смысла предполагает «сознательное отступление от конвенционального словоупотребления или языковой нормы, которое указывает адресату высказывания на необходимость декодировать подтекст» [11, С. 125]. Данная стратегия может реализовываться с опорой на лексические, грамматические и стилистические средства, самыми распространенными из которых в рассматриваемых художественных произведениях являются фигуры речи:

1. *Антифразис* – стилистический прием, в котором ярко проявляется аксиологический аспект иронии, поскольку он позволяет выразительно противопоставить фактическому положению вещей ожидаемое или желательное: «... Иногда о нем осведомлялись на английском. В очередной такой раз она рывкнула в трубку: «I don't understand!», на что последовало на чистом русском: – Чего?...» [1, С. 9], «Тост за жену: «Дай Бог, не последняя!» [1, С. 43], «Уходя с кладбища, я сказал могильщикам «до свидания» [1, С. 338], «У нас тут такая глобализация, что без словаря вывески не прочитаешь» [1, С. 360] и др. Приведенные примеры фрагментов характеризуются ироническим контрастом начала и окончания миниатюр посредством, как отдельных лексических единиц, так и свободных, стереотипных словосочетаний.

В ряде примеров признаком антифразиса выступает сочетание лексических единиц, приводящее к возникновению оксюморона, основанный на реакции обманутого ожидания. Картотека примеров насчитывает 16 единиц, приводящих к возникновению оксюморона, приведем лишь некоторые из них: «Инвалиды труда и зарплаты» [1, С. 81], «Венера Милосская с руками Девушки с веслом...» [1, С. 105], «Когда у Атланта затекли руки...» [1, С. 203], «Газон в недоумении: сам сеял, теперь – стрижет...» [1, С. 208], «Веду себе нездоровый образ жизни» [1, С. 227], «Чтобы вам околоть от вашего здорового питания! Чтобы вас кондратий хватил в тренажерном зале!» [1, С. 419], «История про улитку, которая решила уйти из дома» [1, С. 471] и др. Представленные примеры фрагментов миниатюр содержат сочетание оксюморона и иронии, характеризующееся целенаправленным разоблачением абсурдности явлений.

2. *Гипербола* – тактика создания иронического эффекта, состоящая в преувеличении свойств объекта: «Необычайно утонченная дама, после нее даже в туалете оставался лишь легкий запах фиалковой воды» [1, С. 32], «Окно такое грязное, что погоды не видно» [1, С. 40], «В будущую археологию наша эпоха войдет под именем «культуры пивных баночек», «От долгого пребывания на Кавказе его кепка заметно увеличилась в размерах» [1, С. 55], [1, С. 100], «Он так потратился на лекарства, что не на что было похоронить» [1, С. 101], «– Это у вас цена или номер телефона?» [1, С. 122], «Никого так не опасались средневековые рыцари, как сборщиков металлолома»

[1, С. 249], «Скоро и **человеку** все будут **«Made in China»**» [1, С. 252] и др. примеры. Экспликация гиперболы в тексте миниатюр усиливает ее ироническое звучание.

3. В противоположность гиперболе, *литота* преуменьшает свойства объекта, причем в иронической литоте, как правило, имплицитно подразумевается высокая степень признака: «**Моральные долги можно отдавать деньгами**» [1, С. 26], «**Лето было такое дождливое, что солнечные очки подешевели**» [1, С. 133], «**Заслуженный бездельник культуры**» [1, С. 148], «— **Вот молодец баба: ей уже полтинник, а больше сорока девяти не дашь!**» [1, С. 278], «**Не то чтобы интеллигент, но ходит по контрамаркам на концерты**» [1, С. 360], «**Виолончелист вышел на пенсию. Теперь играет в оркестре на полставки. На двух струнах**» [1, С. 363] и др.

4. *Иронический эвфемизм*. Е.П. Сеничкина относит к эвфемизмам «слова или выражения, которые служат в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими, употребляющиеся в разных сферах русской речи» [8, С. 41]. «Иронические эвфемизмы – это примета современной эвфемии, где компонент комического создается за счет:

- 1) противопоставления подлинного смысла и смысла заменяющего слова;
- 2) столкновения элементов высокого стиля с обыденностью содержания» [6, С. 4].

Приведем примеры иронических эвфемизмов, относящихся к первой группе: «**Готовясь к переходу в мир иной, не мешало б подучить мертвые языки, вроде древнегреческого. Там будет масса интересных собеседников**» [1, С. 114], «**С утра надоил немного электричества в свой гаджет и позвонила домой**» [1, С. 460] и др. Комическое в данных миниатюрах реализуется посредством образной, вуалирующей и иронической метафорой. Приведем примеры иронических эвфемизмов, относящихся ко второй группе: «**В графе «род занятий» написал: «Торгую овощью»**» [1, С. 38], «**Он из тех, кто видел Большой театр только на сторублевке**» [1, С. 294], «— **Это я в Риме себе купила. За триста евр**» [1, С. 343], «**Главная для цивилизации профессия – дворник. Гляньте, что случилось с древними, когда перестали подметать. Ихние города еле раскопали**» [1, С. 454] и др. В приведенных примерах смешиваются стили речи («овощью», «сторублевке» – разговорное, «евр», «ихние» – просторечное), что усугубляет несоответствие между предметом речи и способом выражения, таким образом, усиливается комический эффект.

5. *Ироническое сравнение* эксплицируется преимущественно семантически как принадлежащее имплицитному автору и создающее широкие возможности для лингвокогнитивного авторского творчества: «**Латынь всегда напоминает о болезни**» [1, С. 79], «**И жили душа в душу – как Мазох с де Садом...**» [1, С. 108], «**Библиобиография: «Три поросенка», «Три толстяка», «Три мушкетера», «Три товарища**» [1, С. 127], «**Литература втрое сложнее математики. Ведь букв 33, а цифр всего десять**» [1, С. 171], «— **У них там из скота – только барашки в море**» [1, С. 301], «**Разница, как между курьером и наркокурьером**» [1, С. 352] и др.

6. Анализ картотеки примеров языкового материала показал, что *риторический вопрос* часто используется адресантом для намека на неправдоподобность, комичность или абсурдность того или иного мнения или утверждения. В картотеке примеров содержится 14 единиц риторических вопросов, служащие началом (зачином) миниатюры, а также 57 единиц, выполняющих функцию открытого вывода миниатюры. Приведем лишь некоторые примеры миниатюр, в которых содержатся риторические вопросы: «**...а Еву с Адамом из рая выгнали за то, что немые яблоки ели?**» [1, С. 10], «**Может ли змея покончить с собой, завязавшись в узел?**» [1, С. 132], «**На водочной этикетке в перечне ингредиентов значилось: «вода исправленная». Прежде, что ли, была «вада»?**» [1, С. 163], «**Это, что ли, англичане оставили шотландцев без штанов?**» [1, С. 417]. Следует отметить, что ведущая роль в создании имплицитных смыслов отводится лексико-семантическим средствам, так как образование иронических смыслов происходит за счет особой организации языковых средств в структуре миниатюр посредством различных стилистических приемов, затрагивающих различные уровни языка.

Рассмотрим второй тип стратегии – *логико-семантическую стратегию*. Данная стратегия заключается в том, что иронический смысл фразы формируется за счет логического несоответствия между элементами высказывания или противоречия высказывания картине мира личности. Критическое отношение к объекту иронии формируется на основе когнитивного диссонанса или алогичности связей [9, С. 126]. Логико-семантическая стратегия может реализовываться с опорой на абсурдную иронию и логическое противоречие.

1. *Абсурдная ирония*. Иронический подтекст может возникать в результате моделирования контрфактической ситуации, которая расходится с представлениями адресанта и адресата иронии о положении дел или вероятном развитии событий: «**У него было удивительное свойство: любая женщина, с которой он шел по улице, или разговаривал, или просто оказался рядом в троллейбусе, – казалась его подругой и любовницей. Когда он вдруг умер, множество женщин подумали: «Это из-за меня»**» [1, С. 13], «**У старого актера в его квартире на Чистых прудах часто собиралась молодежь: актеры, художники, просто барышни. Однажды посреди такой ассамблеи он встал, обвел всех взглядом: – **Надоели вы мне все, ну вас на хер! Вышел в соседнюю комнату – и умер**» [1, С. 15], «**От всякой женщины, разделившей его ложе, он требовал записать рецепт какого-нибудь супа, горячего или салата в специально заведенную толстую тетрадь. Рассчитывая в старости выпустить бестселлер: «Тысяча и одна ночь»**» [1, С. 75], «**Выйдя в отставку, майор написал книгу авангардистских стихов, составленных из паролей, запомнившихся за все годы службы. Она имела успех у критики, а также у зарубежных разведок**» [1, С. 114], «**Он дал мне визитную карточку с надписью «Редактор-корректор»**» [1, С. 181], «**Они ощущали себя, словно вдвоем очутились в романе. Только она в дамском, а он – в триллере**» [1, С. 414], «**Мордастые философы ... бегают в толпе с горящими светильниками и орут: «Ищу человека!» А этот сидит себе тихонечко у стены и бормочет еле слышно: — Ищу себя...**» [1, С. 452] и др. Так, реакция адресата резко контрастирует с реальным развитием событий, которое можно прогнозировать в подобной ситуации, что придает ей иронически-комичный характер.**

2. *Логическое противоречие*. Иронии свойственна парадоксальность, нелогичность, которые проявляются при нарушении логических связей внутри высказывания, служа ее сигналом: «**Кипяточек-то есть, только холодный**», – **кивнула проводница**» [1, С. 19], «**Он родился в семье бедного нью-йоркского миллионера**» [1, С. 395], «**Он извинился,**

но довольно хамски» [1, С. 148], «Лауреата выторопили лавровыми розгами» [1, С. 306]. Так, алогичность экспликации миниатюр подводит читателя к тому, чтобы интерпретировать их скептически. «Бывает, **разговариваются** двое, скажем, он с нею по-английски, а она с ним по-китайски. И ничего, понимают друг друга» [1, С. 326]. Здесь иронический смысл миниатюр возникает в результате асимметрии причины и следствия.

Заключение

Заключим, что на рубеже конца XX и начала XXI вв. под влиянием антропологической парадигмы возникает необходимость в расширении границ лингвистического исследования, так как при декодировании текста требуется не только знание языка, но и наличие дополнительных знаний о картине мира, о социальном и культурном контекстах. Наиболее отчетливо это проявляется при интерпретации иронически переосмысленных единиц текста. Итак, в работах отечественных исследователей ирония понимается как стилистический прием, основанный на противопоставлении прямых и переносных значений слова, т.е. в контексте миниатюры актуализируется новое значение слова, которое, полностью не подавляет его смысловое словарное наполнение, а воспринимается читателем вместе с ним, при этом его предметно-логическое значение дополняется еще и контекстуально-ироническим. Наиболее широко в рассмотренном художественном произведении были представлены стилистические средства актуализации иронического смысла – антифразис, гипербола, литота, эвфемизм, риторический вопрос и др. Логико-семантические тактики представлены абсурдной иронией, при которой иронический смысл реализуется посредством моделирования контрфактивных ситуаций, а также логическим противоречием. На наш взгляд, таким образом, ирония представляется в виде одной из форм импликации и рассматривается как асимметрия между формой и содержанием текста: импликация получает только частичную словесную экспликацию в тексте, при этом представляет богатую реализацию иронических смыслов (оттенков) таких, как сарказм, издевка, печаль, бессилие, цинизм.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Лебединская В.Г., Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.151.47.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Lebedinskaya V.G., Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.151.47.1>

Список литературы / References

1. Алёхин А. Варенье из падалицы / А. Алёхин. — Москва : Эксмо, 2023. — 512 с.
2. Ваулина С.С. Проблема передачи авторской модальности при переводе художественного текста / С.С. Ваулина, Л.В. Коковина // *Tekst jako kultura. Kultura jako tekst*. — Gdańsk: Wyd. Uniwersytetu Gdańskiego, 2016. — Т. 2. — С. 151–162.
3. Воробьева К.А. «Авторская ирония» и «ирония от персонажей» в рассказах О. Генри / К.А. Воробьева // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2008. — № 26. — С. 16–21.
4. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка / И.Р. Гальперин. — М., 1977. — 332 с.
5. Жукова С.А. Ирония в романах М.А. Булгакова («Театральный роман», «Жизнь господина де Мольера», «Мастер и Маргарита»): дис. ... канд. филол. наук / Жукова Светлана Анатольевна. — Волгоград, 2003. — 252 с.
6. Иवानян Е.П. Деликатная тема на разных языках / Е.П. Иवानян, Х. Кудлинская, И.Н. Никитина. — Самара: Инсома-Пресс, 2012. — 331 с.
7. Походня С.И. Языковые средства и виды реализации иронии / С.И. Походня. — Киев: Навукова думка, 1989. — 128 с.
8. Сенчикова Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс / Е.П. Сенчикова. — М.: Высшая школа 2006. — 151 с.
9. Солодилова, И.А. Оценочность иронических смыслов / И.А. Солодилова // *Вестник ОГУ*. — 2014. — № 11 (172). — С. 121–127. — URL: http://vestnik.osu.ru/2014_11/24.pdf (дата обращения: 16.08.2024).
10. Хабибьярова Э.М. Саркастическая ирония в повести М. Булгакова «Собачье сердце» / Э.М. Хабибьярова // *Вестник Омского университета*. — 2015. — № 1. — С. 237–240
11. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: дис. ... д-ра. филол. наук / Шилихина Ксения Михайловна. — Воронеж, 2014. — 399 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aljohin A. Varen'e iz padalicy [Jam from Fallen Fruit] / A. Aljohin. — Moscow : Eksmo, 2023. — 512 p. [in Russian]
2. Vaulina S.S. Problema peredachi avtorskoj modal'nosti pri perevode hudozhestvennogo teksta [The problem of conveying the author's modality in the translation of a fiction text] / S.S. Vaulina, L.V. Kokovina // *Tekst jako kultura. Kultura jako tekst* [Text as culture. Culture as text.]. — Gdańsk: Wyd. Uniwersytetu Gdańskiego, 2016. — Vol. 2. — P. 151–162. [in Russian]
3. Vorob'jova K.A. «Avtorskaja ironija» i «ironija ot personazhej» v rasskazah O. Genri ['Author's irony' and "irony from characters" in O. Henry's stories] / K.A. Vorob'jova // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. — 2008. — № 26. — P. 16–21. [in Russian]
4. Gal'perin I.R. Stilistika anglijskogo jazyka [English stylistics] / I.R. Gal'perin. — M., 1977. — 332 p. [in Russian]

5. Zhukova S.A. Ironija v romanah M.A. Bulgakova («Teatral'nyj roman», «Zhizn' gospodina de Mol'era», «Master i Margarita») [Irony in M.A. Bulgakov's novels ('The Theatre Novel', 'The Life of Mr de Moliere', 'The Master and Margarita')]: diss. ... PhD in Philology / Zhukova Svetlana Anatol'evna. — Volgograd, 2003. — 252 p. [in Russian]
6. Ivanjan E.P. Delikatnaja tema na raznyh jazykah [A delicate subject in different languages] / E.P. Ivanjan, H. Kudlinskaja, I.N. Nikitina. — Samara: Insoma-Press, 2012. — 331 p. [in Russian]
7. Pohodnja S.I. Jazykovye sredstva i vidy realizacii ironii [Language means and types of irony implementation] / S.I. Pohodnja. — Kyiv: Navukova dumka, 1989. — 128 p. [in Russian]
8. Senichkina E.P. Jevfemizmy russkogo jazyka: Speckurs [Euphemisms of the Russian language: Special course] / E.P. Senichkina. — M.: Higher School 2006. — 151 p. [in Russian]
9. Solodilova, I.A. Ocenocnost' ironicheskikh smyslov [Estimation of ironic meanings] / I.A. Solodilova // Vestnik OGU [Bulletin of OSU]. — 2014. — № 11 (172). — P. 121–127. — URL: http://vestnik.osu.ru/2014_11/24.pdf (accessed: 16.08.2024). [in Russian]
10. Habib'jarova Je.M. Sarkasticheskaja ironija v povesti M. Bulgakova «Sobach'e serdce» [Sarcastic irony in M. Bulgakov's story 'Heart of a Dog'] / Je.M. Habib'jarova // Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University]. — 2015. — № 1. — P. 237–240 [in Russian]
11. Shilihina K.M. Diskursivnaja praktika ironii: kognitivnyj, semanticheskij i pragmaticheskij aspekty [Discursive practice of irony: cognitive, semantic and pragmatic aspects]: diss. ... PhD in Philology / Shilihina Ksenija Mihajlovna. — Voronezh, 2014. — 399 p. [in Russian]